

На правах рукописи

ШАБАЛИНА Екатерина Владимировна

**СЕМАНТИКО-МОТИВАЦИОННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ
РУССКОЙ ЛЕКСИКИ С ЧИСЛОВЫМ КОМПОНЕНТОМ:
ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Екатеринбург
2011

Работа выполнена на кафедре русского языка и общего языкознания
ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А. М. Горького»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Березович Елена Львовна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук
Белова Ольга Владиславовна

кандидат филологических наук
Кривошапова Юлия Александровна

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Тюменский государственный
университет»

Защита состоится «29» июня 2011 года в 13 часов на заседании диссертационного совета Д 212.286.03 по защите докторских и кандидатских диссертаций при ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А. М. Горького» по адресу: 620083, г. Екатеринбург, пр. Ленина, д. 51, комн. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А. М. Горького»

Автореферат разослан ____ мая 2011 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук, профессор

М. А. Литовская

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Настоящая работа выполнена в рамках этнолингвистики – раздела языкознания, направленного на изучение языка в его взаимоотношении с культурой народа, языка как «архиватора» данных о традиционной картине мира. В современной славистике и русистике этнолингвистическое направление связано с именами Т. А. Агапкиной, Н. П. Антропова, Е. Бартминского, М. Белетич, О. В. Беловой, Е. Л. Березович, Т. Н. Бунчук, А. В. Гуры, Л. П. Дроновой, Т. В. Володиной, М. В. Жуйковой, А. Ф. Журавлева, Г. И. Кабаковой, Н. И. Коноваловой, Д. Младеновой, А. Б. Мороза, С. Е. Никитиной, И. А. Подюкова, И. И. Русиновой, М. Э. Рут, И. А. Седаковой, Н. И. Толстого, С. М. Толстой, А. Т. Хроленко, О. А. Черепановой, А. В. Юдина, Е. И. Якушкиной и мн. др.

В настоящее время этнолингвистические исследования ведутся и на кафедре русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета. Из трудов, появившихся в последние два десятилетия, можно назвать работы Е. Л. Березович, К. С. Верхотуровой, Ю. Б. Воронцовой, М. А. Ереминой, Ю. А. Кривошаповой, Т. В. Леонтьевой, В. В. Липиной, К. В. Пьянковой, И. В. Родионовой, М. Э. Рут, Л. А. Феоктистовой и др., в которых дано семантико-мотивационное описание различных групп русской диалектной и ономастической лексики с привлечением культурного фона и инославянских языковых параллелей. В рамках этой школы выполнено и настоящее исследование.

Объект изучения в настоящей работе – диалектные и литературные лексические единицы русского языка, в состав которых входят числовые компоненты, имеющие вторичные (по отношению к семантике конкретного количества) значения.

Закрепленная в языке типичная процедура счета предполагает точную количественную атрибуцию объектов, основная цель ее – помещение предмета в числовой ряд и определение его места в этом ряду, ср. такие свободные словосочетания, как *считать до десяти, семь столов, девятый человек*, в которых числительное выступает в своем основном значении и указывает на конкретное количество. Однако в составе лексем и устойчивых сочетаний числовой компонент может наделяться вторичной семантикой, ср. литер. *в двух шагах* ‘близко’, *семь потов сошло* ‘затрачено много усилий кем-л. для выполнения, осуществления чего-л.’, диал. костр. *семибатеchnik* ‘незаконно-рожденный ребенок’, перм. *девятый зуб* ‘о дальней родне’. В процессах семантической деривации на базе числительных отражаются наивные представления носителя языка о счетной процедуре (кто считает, что считают, что есть «много» и «мало» в отношении к конкретным счетным предметам и т. п.).

Положенный в основу диссертации лексический материал обладает несомненной ценностью в качестве объекта этнолингвистического исследования. Будучи инструментом категоризации мира, число проявляет в языке не только свою математическую, но и культурно-символическую сущность, выступая во вторичной (по отношению к своему изначальному значению и назначению) функции.

Вторичная семантика числительных и символика числа в славянской и мировой культуре уже привлекали внимание исследователей (В. Айрапетян, Вяч. Вс. Иванов, В. Б. Колосова, С. Небжеговска-Бартминска, С. П. Праведников, Л. Раденкович, И. А. Седакова, С. М. Толстая, В. Н. Топоров и др.). В работах В. Н. Топорова прослеживается генезис представлений об элементах числового ряда в различных индоевропейских традициях, определяется символический спектр ряда чисел с опорой на его функционирование в мифопоэтических и религиозных системах разных народов; число рассматривается как структурирующее и систематизирующее начало текста (как фольклорного, так и литературного). Труды С. М. Толстой посвящены исследованию культурных смыслов, которыми наделяются число и счет в славянской традиции: освещается широкий круг вопросов, касающихся этнокультурной специфики способов и инструментов счета, определяется состав числовых элементов, значимых для традиционной славянской картины мира, характеризуется роль числовых моделей в фольклорных текстах.

Несмотря на наличие столь значительных трудов, посвященных символизации числа, в отечественной лингвистике не предпринималось систематического изучения русской лексики с числовым компонентом (с особым вниманием к народным говорам) в свете семантико-мотивационных процессов. Это обстоятельство, а также значимость изучения представлений о числе и счете, выраженных в языке, для реконструкции русской языковой картины мира, – аргументы в пользу **актуальности** настоящей работы.

Этнолингвистическое исследование предполагает одинаково пристальное внимание как к семантике, так и к мотивации языковых единиц: извлечение этнолингвистической информации о слове осуществляется через выявление логики развития значения, определение импульсов и механизмов, лежащих в основе семантических процессов (С. М. Толстая). Исходя из этого, **предметом** нашего исследования являются семантические и мотивационные особенности русской лексики с числовым компонентом.

Цель исследования – этнолингвистическая характеристика семантико-мотивационных особенностей лексики с числовым компонентом в русском языке. Обозначенная цель предполагает решение следующих **задач**: 1) определение круга лексических и фразеологических единиц русского языка, образованных на базе числительных от *одного до девяти*, а также *половина и полтора*, в составе которых числовой компонент не имеет первичного количественного значения; 2) характеристика семантико-мотивационных особен-

ностей лексики, производной от каждого из указанных числительных; 3) выяснение закономерностей сочетаемости числовых компонентов с лексемами различных тематических сфер в составе сложных слов или фразеологизмов (с опорой на внутреннюю форму слова или буквальное значение фразеологизма); 4) выявление отношений лексической системности, возникающих между лексемами и фразеологизмами с различными числовыми компонентами; 5) поиск смысловых и мотивационных параллелей для лексики с числовым компонентом во внеязыковой сфере (фольклор, ритуал, верования); 6) осуществление семантической реконструкции «темных» с мотивационной точки зрения фактов русской лексики и фразеологии (главным образом диалектной), включающей числовой компонент.

Материал исследования извлекался прежде всего из диалектных источников. Из всего многообразия словарей русских говоров предпочтение отдавалось наиболее представительным и охватывающим различные диалектные зоны: Словарь русских народных говоров, Словарь русских говоров Среднего Урала, Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей, Архангельский областной словарь, Псковский областной словарь и др. (всего 36 словарей). Из этих источников материал извлекался путем фронтальной выборки. К анализу были привлечены также неопубликованные данные, собранные участниками Топонимической экспедиции Уральского государственного университета в ходе полевой работы на Русском Севере и в Костромской области. В 5 полевых выездах (в 2004–2009 гг.) принимал участие автор настоящей работы.

Поскольку не вся изучаемая лексика является диалектной, а немалая ее часть входит в общенародный лексический фонд, то для пополнения и верификации номинативных моделей, функционирующих в диалектах, привлекались к рассмотрению данные русского литературного языка (Словарь русского языка, Словарь современного русского литературного языка, Фразеологический словарь русского языка).

К анализу был привлечен также вспомогательный массив материала – инославянские (польские) языковые единицы, которые использовались в работе для сопоставления с русскими данными. В силу того, что числительные принадлежат к одному из наиболее архаичных пластов языка, трудно ожидать больших расхождений в лексических процессах с участием числительных, происходящих в родственных языках и родственных культурных традициях. В нашем случае польский языковой материал чаще способствует подтверждению и расширению существующих в русском языке смыслов; случаи выявления специфичных элементов во вторичной семантике польских числительных довольно редки.

Для анализа материала используются **методы** семантико-мотивационной реконструкции, ономазиологический анализ и анализ контекстной семантики. Комплексный этнолингвистический подход к описанию лексических единиц предполагает также выявление семантико-мотивационных параллелей

для лексики с числовым компонентом в инославянском (в нашем случае польском) языковом материале и во внеязыковой сфере (фольклор, ритуал, верования).

Научная новизна исследования определяется тем, что русская народная лексика и фразеология с числовым компонентом впервые стала объектом комплексного этнолингвистического анализа. В научный оборот вводится объемный лексический и фразеологический материал – в том числе из неопубликованных полевых источников; осуществляется семантическая реконструкция некоторых «темных» фактов русской диалектной лексики и фразеологии, включающей числовой компонент.

Теоретическая значимость диссертации состоит в том, что в ней разработана методика этнолингвистического анализа отношений семантической мотивированности, применение которой позволило выявить культурно-специфические закономерности семантического развития обширной группы русской диалектной и литературной лексики, включающей числовой компонент.

Практическая значимость исследования определяется возможностью применения представленного языкового материала и полученных результатов в учебных курсах по лексикологии и этнолингвистике, спецкурсах по контрастивной семантике и ономастиологии.

Апробация работы. Основные положения настоящего исследования были изложены в докладах на международном научном симпозиуме «Славянские языки и культуры в современном мире» (Москва, 2009), международной научной конференции «Этнолингвистика. Ономастика. Этимология» (Екатеринбург, 2009), международной научной конференции «Русская речь в современных парадигмах лингвистики» (Псков, 2010), международной научной конференции «Актуальные проблемы полонистики» (Минск, 2008), межвузовской конференции молодых ученых «Слово в традиционной и современной культуре» (Екатеринбург, 2008, 2010). Всего по теме исследования опубликовано 13 работ.

Положения, выносимые на защиту:

1. Слова и фразеологизмы, которые связаны отношениями семантической мотивированности с числительными, образуют семантико-мотивационные поля. Числовой компонент в составе лексики поля не имеет конкретного количественного значения, а реализует вторичные значения обобщенного количества или качества.

2. Народные представления о числах, отраженные в лексике русских говоров и литературного языка, отличаются избирательностью. Вторичной семантикой наделяются не все обозначения чисел первого десятка. Наиболее активными носителями вторичной семантики являются числительные *два, три, семь и девять*. Такая избирательность во многом определяется функциями числа как знака символического языка культуры.

3. Чтобы осуществить семантико-мотивационную интерпретацию лексики с числовым компонентом, следует реконструировать для каждой исследуемой единицы ситуацию счета. Различаются типовая ситуация, определяемая эмпирической реальностью (полученными из опыта представлениями о количественной норме), и культурная ситуация, заданная априорным культурным прецедентом («магической» символикой чисел и др.).

4. В значениях лексем и фразеологизмов с числовым компонентом представлены следующие семантические доминанты: «обобщенное количество», «числовая аномалия», «интенсивность проявления признака/действия».

5. Характер народных представлений о числе, отраженных в языке и народной культуре, задается объектами счета. Соответственно семантика числового компонента определяется значениями, с которыми он соединяется в составе сложного слова или фразеологизма. Тематическая классификация обозначений объектов счета показывает, что наиболее широко и разнообразно числовые компоненты представлены в тематических группах «Соматика человека», «Родственные отношения», «Болезни», «Религия и мифология».

6. Внутри исследуемого семантико-мотивационного макрополя выделяются ряды лексем и фразеологизмов, связанных отношениями синонимии и антонимии.

7. Комплексный этнолингвистический подход к исследуемому материалу позволил осуществить семантическую реконструкцию некоторых «темных» лексем и фразеологизмов (литер. *двужильный* 'крепкий, сильный, выносливый', диал. костр. *двоезубый* 'о человеке, у которого один ряд зубов находит на другой', костр. *семерить* 'о погоде: быть неустойчивой, переменчивой', влг. *считать сорок лысых* 'название обрядового действия, направленного на улучшение погодных условий' и др.).

Структура работы. Работа включает введение, 4 главы и заключение. Общий объем работы ... страниц, из которых ... страниц составляет основной текст.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснованы актуальность обращения к выбранной теме, определены объект, цели и задачи исследования, представлен краткий обзор литературы вопроса, указаны основные источники материала, принципы его отбора, охарактеризован терминологический аппарат исследования, описана структура работы.

В **первой главе «Семантико-мотивационные поля “типичных” числительных первого десятка»** рассматриваются лексемы и фразеологизмы, связанные отношениями семантической мотивированности с числительными

от *трех* до *девяти*. Определяя эти числительные как «типичные», мы подчеркиваем «погруженность» их денотатов в числовой ряд (в отличие от слов *один* и *два*, обозначающих начальные элементы ряда) и общность путей семантического развития.

Первая глава включает 6 параграфов, в каждом из которых дается характеристика семантико-мотивационного поля одного из числительных: *три*, *четыре*, *пять*, *шесть*, *семь*, *восемь*, *девять*. Лексика и фразеология с компонентами *пять* и *шесть* описывается в общем параграфе, поскольку она многочисленна.

Структура поля представлена в виде семантического спектра – комплекса реализующихся в значениях лексем и фразеологизмов семантических доминант. Под семантической доминантой понимается базовый элемент семантической структуры, объединяющий значения нескольких лексем и идиоматических сочетаний с числовым компонентом.

В работе принят следующий алгоритм описания каждого из семантико-мотивационных полей: 1) общие сведения о числительном и соответствующем числе: этимологические данные, символика числа как знака символического языка культуры; 2) семантический спектр числительного; 3) характеристика активности числительного как основы семантической деривации; 4) регулярность проявления в языке культурных смыслов, связанных с числом; 5) закреплённость числового показателя в лексике определенных тематических сфер.

В **первом параграфе** представлен семантический спектр числительного *три*.

Вторичная семантика числительного *три* во многом обусловлена представлением о количественном показателе 3 как о первом «полноценном» члене числового ряда. Число 3 обладает усложненной структурой $2 + 1$ или $1 + 1 + 1$, что делает его функционально значимым в практике счета. В народной культуре оно символизирует завершенность и полноту последовательности, имеющей начало, середину и конец. В христианской традиции эти смыслы воплощаются в представлении о божественном триединстве Отца, Сына и Святого Духа, откуда берет начало культурная значимость троичности и ее функционирование в различных религиозных практиках.

Семантический спектр числительного *три* по данным русских говоров и литературного языка предстает довольно противоречивым. Соединяясь с лексическими компонентами из различных тематических сфер, данное числовое обозначение получает семантические оттенки, которые кажутся несовместимыми. *Три* способно к выражению семантики как неопределенно малого, так и неопределенно большого количества, ср. литер. *с три короба* ‘очень много (наговорить, наврать)’, *от горшка три вершка* ‘о человеке маленького роста’.

Востребованным культурным мотивом, связанным со словом *три*, является мотив божественной триады, на основе которого развивается представление о полноте и завершенности, о высшей степени про-

явления какого-либо признака, принадлежащего сфере сакрального: *Бог любит троицу, два – на горе, три – на счастье* ‘произносится в ситуации, когда какое-либо действие следует проделать три раза’, *тресвятой* ‘святой в высшей степени’; ср. польск. *trzykroć święty* [трижды святой] ‘то же’. По законам экспрессивности возможно развитие зеркально противоположной негативной оценки: *треклятый* ‘проклятый в высшей степени’, перм. *будь трое проклятой* ‘восклицание, выражающее негодование, изумление’; ср. польск. *trzykroć przekłety* [трижды проклятый] ‘то же’ и т. п.

Со словом *три* связана, с одной стороны, идея утроения как интенсификации свойств того или иного объекта, а с другой – восприятие трех элементов как количественной аномалии (в тех случаях, когда *три* функционирует в сочетании с названиями частей тела): литер. *в три горла* ‘очень много, жадно (есть, пить)’, диал. дон. *в три руки* ‘очень быстро’, пск. *в три ноги бегать* ‘делать все очень быстро’, перм. *смотреть в трое глаз* ‘очень внимательно наблюдать’.

Выделяется также семантическая доминанта, отличающая *три* от всех прочих числительных, которую мы условно определили как «не-пара». Именно этот смысл, который можно выразить формулой $2 + 1$, где 2 – не просто норма, а нормативная парность, способствует появлению у числительного *три* семантики числовой аномалии: литер. *третий лишний* ‘говорится тогда, когда дело касается только двоих’, *третьи лица* ‘посторонние люди’, диал. б. м. *третьячить* ‘промышлять посредничеством, вмешиваться в чужие дела’; ср. польск. *ta trzecia* [эта третья] ‘любовница мужа’.

Второй параграф посвящен числительному *четыре*.

В славянской культуре число 4 ассоциируется прежде всего с четырьмя сторонами света, четырьмя концами креста, четырьмя углами дома, ср. *без четырех углов изба не строится*. Углы дома сакральны, они связаны с духом-хранителем дома, домашнего очага, семьи и скота. Отсюда «участие» их в различных обрядовых действиях.

В русском языковом материале *четыре* как показатель нормативного количества чаще всего ассоциируется с обозначениями следующих реалий:

- жилое пространство (представление о четырех углах/стенах в помещении как норме): литер. *сидеть в четырех стенах* ‘сидеть дома’, прост. *четыре угла гостят* (у кого) ‘об одиноком, замкнутом человеке’;
- стороны света: литер. *на все четыре стороны* ‘хоть куда, куда угодно’;
- части тела (представление о четырех конечностях как норме): литер. *на четвереньках* ‘на четырех конечностях’, диал. карел. *на четырех косточках* ‘то же’ (ср. польск. *na czworakach* [на четвереньках] ‘то же’), литер. *четвероногое* ‘о животном’ (ср. польск. *czworonóg* [«четвероног»] ‘то же’).

Оппозиция «норма – аномалия» просматривается у числительного *четыре* в устойчивых сочетаниях, образная структура которых соответствует

формуле $N + 1$, где N – это некое нормативное количество элементов: литер. публицист. *четвертая власть* ‘о прессе, средствах массовой информации’, *четвертое измерение* ‘о чем-л. сверхчувственном, недоказуемом, мистическом’.

Семантика избыточности для числового компонента *четыре* может создаваться не только за счет прибавления ($N + 1$), но и путем удвоения нормативного количества ($N \times 2$), ср. простореч. *четыреглазый* ‘человек в очках’.

В **третьем параграфе** представлено описание семантического спектра числительных *пять* и *шесть*.

Библейские ассоциации числительного *пять* (связь с Пятикнижием – первыми пятью книгами Библии, с пятью ранами на теле Иисуса Христа), кажется, не находят отражения в русском языковом материале. Культурная обусловленность «пятерки» проявляется в языке через связь с историко-политическими прецедентами: литер. *пятая колонна* ‘нарицательное наименование вражеской агентуры внутри страны или общественного движения, предназначенной путем подрывных действий изнутри способствовать победе враждебных внешних сил’, *пятый пункт* ‘пункт, графа в паспорте, анкете, в которой указывалась национальность человека’, ‘о принадлежности к еврейской национальности’.

Числительное *пять* в основном функционирует в составе выражений, особенность которых отражает корпоральную норму (пять пальцев), ср. калуж. *купить за пять пальцев* ‘украсть’, новг. *купить за пять пальцев* ‘добиться чего-л. голосованием (подняв руку)’, пск. *за пять пальцев да за ладонь* ‘за бесценок, очень дешево’, волгоград. *с пяти пальцев* ‘за счет своего труда (жить)’, читин. *на руках по пять пальцев* ‘о ловком, умелом, мастеровитом человеке’. Ср. также названия растений, внутренняя форма которых ассоциируется с представлением о нормальном количестве пальцев руки: ворон. *пятипалечник*, петерб. *пятипалечная трава* ‘сабельник болотный’, аргунск. *пятипалежник* ‘первоцвет весенний’.

В сочетании с названиями частей тела, механизмов и помещений, которых нормативно должно быть четыре, числительное *пять* имеет доминантную семантику числовой аномалии: литер. *пятое колесо в телеге* ‘о ком-, чем-л. ненужном, нежелательном’, диал. твер. *не видеть, как собаке пятой лапы* ‘не видеть, не получать, не иметь’, дон. *как пятое колесо до возу* ‘о ком-, чем-л. совершенно ненужном, лишнем, бесполезном, пятое колесо в телеге’, волгоград., морд. *искать пятый угол* ‘скрываться, спасаться от преследования, наказания’.

Число 6 в контексте народной культуры практически не имеет особой символической нагрузки. В языке культурные коннотации *шесть* проявляются только в связи с похоронным обрядом, ср. диал. б. м. *шесть недель покойник умывается, шесть недель утирается*. Порядковое числительное *шестой* приобретает семантику числовой аномалии, ср. литер. *шестое чувство* ‘обостренная способность что-л. чувствовать как дополнение к обычным

пяти чувствам', диал. влг. *держит шестой палец* 'о человеке, способном на кражу'.

Четвертый параграф посвящен числительному *семь*.

Семеричность – весьма распространенный культурный мотив, ср. 7 чудес света, 7 небес, 7 грехов, 7 героев в фольклорных сюжетах и т. п.

Семантический спектр числительного *семь* отличается наибольшей широтой и разнообразием в сравнении с прочими числительными первого десятка. Если базовой идеей «семерки» в культуре можно считать идею сакрального количества, то для языка доминантной является «упрощенная» семантика множества как такового (генетически родственная первой): простореч. *семеро с ложкой* 'о большом количестве людей, которых нужно накормить', читин. *семеро понять (разобрать) не могут* (кого-л.) 'о человеке с невнятной речью', карел. *семидёлка* 'большое количество разных дел', перм. *семи пестами (в ступе) не угодишь* 'с кем-л. невозможно наладить отношения' и т. п.

Обширную зону семантического спектра *семи* формирует семантическая доминанта «многообразие + интенсивность»: перм. *от семи собак отъестся* 'не дать никому спуску', *на семи базарах куплены* 'о бойких, живых глазах', читин. *в семи ступах толчённый (тёртый)* 'бывалый, с большим жизненным опытом', б. м. *из семи печей хлебы едал* 'бывалый', волгоград. *купался в семи водах* 'об опытном, бывалом человеке'.

Семь как выразитель сакральной целостности активно функционирует в лексике соматической сферы. *Семь* актуализирует и усиливает символику органа и в то же время приобретает семантику аномального количества: простореч. *семижильный* 'выносливый, сильный, крепкий', диал. моск. *плутлице о семи пальцах* 'плут, ловкий', перм. *под семью когтями* 'в полной зависимости' и т. д. Лексемы, внутренняя форма которых образована по формуле «*семь* + название части тела», номинируют, как правило, лекарственные растения. При этом *семь* указывает на высокий лечебный потенциал последних: влг. *семисуставница* 'травянистое растение с «суставчатым» стеблем', арх. *семиколенная трава* 'травянистое лекарственное растение с синими цветами', екат. *семижильник* 'подорожник большой'.

«Сакральная» семантика числительного *семь* поддерживается за счет сочетаемости с лексикой религиозно-мифологической сферы: перм. *на семи соборах соборованный* 'отчаянный, смелый', *будь анафема на семи соборах*, новг. *хоть бы тебя черти семеро побрали*; ср. также польск. *widno jak w siedmiu kościolach* [светло, как в семи костелах], *brzydki jak siedem grzechów głównych* [безобразный, как семь смертных грехов] 'крайне некрасивый, безобразный'.

В пятом параграфе рассмотрен семантический спектр числительного *восемь*.

«Восьмерка» представлена малым количеством лексических фактов: литер. *восьмое чудо света*, *Семь дён нам подай*, *восемь не просим*, *Глядит, ров-*

но семерых проглотил, осьмым поперхнулся. Восемь противопоставляется семи как выразителю идеи нормативного количества (как видим, числовая норма может определяться культурным прецедентом или задаваться символически «нагруженным» числом) и репрезентирует идею сверхмногожества и сверхнормы. Вторичная семантика, восходящая к библейской, появляются у *восемь* в паремии *Шесть дней делай, седьмой молись, на осьмой снова начинай*.

В **шестом параграфе** рассматриваются особенности вторичной семантики числительного *девять*. Сюда включены также лексемы и идиомы, содержащие числительные *девяносто девять* и *тридевять* как варианты интенсификации числительного *девять*, обладающие в народной культуре схожей семантикой.

Частотность числового компонента *девять* в составе лексем и фразеологизмов во многом поддерживается (и обуславливается) теми смыслами, которыми наделяется число 9 в традиционной культуре. Исследователи отмечают, что «девятка» воспринимается как «интенсивная», утроенная «тройка», поэтому культурные смыслы, приписываемые числам 3 и 9, нередко пересекаются. Однако в случае с языковыми фактами различия в семантике соответствующих числительных более явные, поскольку *девять* обладает большей способностью к обозначению неопределенного множества, и, кроме того, в христианской традиции *девять* выступает не только как интенсифицированная триада, но и как самостоятельное число, ассоциируемое с теми или иными реалиями (в том числе прецедентными).

Лексические факты, содержащие компонент *девять*, представлены в диалектном материале довольно широко. В некоторых случаях они имеют своим источником фольклорные сюжеты и народные верования: влг. *девятибрáтная*, арх. *девятибрáтник*, *девятибрáтка*, *девятибрáтница* ‘растение пижма обыкновенная, дикая рябинка’, б. м. *девять братьев* ‘растение полевой молочай’ (здесь отражен образ девяти братьев, встречающийся не только в русских, но и в финно-угорских, а также в балтийских фольклорных текстах), костр. *девятері́к* ‘стручок гороха, содержащий девять горошин, который считается счастливым и используется в свадебном обряде’.

Специфическая смысловая особенность «девятки» состоит в том, что она символически связана с похоронным обрядом, с представлениями о роковых событиях, болезнях и смерти. Эта связь фиксируется как во внутренней форме, так и в семантике лексем с числовым компонентом *девять*: литер. *девятины* ‘девятый день после смерти и поминки в этот день’, *девятый вал* ‘наиболее бурное, сильное проявление чего-л. грозного; наивысший подъем, взлет чего-л.’, диал. б. м. *девятисмерть* ‘птица *Pica graeca*, дятел’, костр. *девятері́к* ‘шершень, укус которого считается смертельным’, арх. *девятый хлеб доедать* ‘быть очень старым, близким к смерти’, перм. в *девятой бане гореть* ‘находиться в состоянии тяжелой болезни»; ср. также

польск. *dziewiątka* [девятка] ‘ядовитый червь, после укуса которого человек умирает в течение 9 дней’, *dziewięćciórny* [девятеричный] ‘определение ряда заболеваний, которым, по народным представлениям, предшествует девять болезней’.

Если в фольклорной традиции *семь* и *девять* (в «усиленном» варианте *семьдесят семь* и *три(на)девять*) нередко взаимозаменяемы (в заговорах встречаются словосочетания типа *тринадевать суставов, тринадевать жил* и *семьдесят семь суставов, семьдесят семь жил, семьдесят семь скорбей*), то в рассмотренных нами языковых фактах эти числительные чаще закрепляются за разными тематическими сферами. Так, *семь* довольно часто встречается в лексике соматической сферы, где *девять* функционирует относительно редко. При этом в ряде случаев лексемы с числовыми компонентами *семь* и *девять* могут выступать как номинативные синонимы (ср. мотив *семи/девяти братьев* в названиях лекарственных растений).

Во второй главе «Семантико-мотивационные поля “атипичных” числительных первого десятка» рассматриваются поля числительных *один/первый*, *два/второй*, а также *половина* и *полтора*, открывающих числовой ряд и обладающих набором особых семантических доминант. Супплетивизм в образовании форм *один* и *первый*, *два* и *второй* (а также их польских аналогов) влечет за собой значительное смысловое размежевание, которое поддерживается также различной функциональной нагрузкой количественных и порядковых числительных. Обозначенные обстоятельства обосновывают рассмотрение количественных и порядковых форм *один/первый* и *два/второй* в отдельных параграфах. Лексемы со значением дробного количества *половина* и *полтора* рассматриваются в одном параграфе, так как для них выделяются общие линии семантического развития, определяемые осмыслением «частичности» как неполноценности.

Первый параграф второй главы посвящен числительному *один*.

Один открывает числовой ряд, что позволяет предполагать в его семантике такие потенциальные смыслы, как *изначальность* и *целостность*. *Один* еще нельзя считать полноценным числительным, поскольку «типичное» число предполагает наличие структуры, а единица является скорее структурным элементом, что ведет к развитию смыслов, выходящих за пределы сугубо количественной семантики.

Многозначность лексемы *один*, скрепленная, с одной стороны, общей идеей выделенности элемента из ряда подобных, а с другой – идеей целостности и неделимости, задается на этимологическом уровне: *один/jeden* рассматривается в этимологической литературе как сложение праслав. формантов **ed* и **jьнь*, первый из которых восходит к и.-е. местоименной проклитике **e-*, а второй – к и.-е. местоименной основе **eino/*oino*. Пер-

воначальная функция такого сложения – выделительная: «как раз один, только один».

Наиболее активно числительное *один* функционирует в лексике соматической сферы, что кажется вполне закономерным: наличие у человека парных органов позволяет обыгрывать норму, задаваемую числительным *два*. Номинации, созданные по формуле $2 - 1$, где 2 – норма, порождают семантику *соматической аномалии*, которая, как правило, получает негативную оценку: *лихо одноглазое* ‘в восточнославянской мифологии – дух зла, несчастья, олицетворение горя’, казан. *одноглазиха* ‘по мифологическим представлениям – одноглазое существо, одноглазка’, кубан. *одноглазка* ‘тюрьма’, литер. *одним ухом* ‘не полностью, без подробностей (о чем-л. услышанном)’ (ср. польск. литер. *jednym uchem* [одним ухом] ‘то же’), диал. перм. *одной ногой* ‘непрочно’ и др. В соединении с названиями органов движения, дыхания и речи (а также выполняемых ими функций) числительное *один* задает семантическую доминанту интенсивности: литер. *одним духом* ‘очень быстро, молниеносно’, диал. новг. *с одные ноги бегаёт* ‘часто, постоянно’, карел. *в одном шагу* ‘сразу, мгновенно’, том. *на одной ножке* ‘то же’ (ср. польск. *na jednej nodze* [на одной ноге] ‘то же’).

В семантическом спектре числительного *один* представлены доминанты целостность, подобие и выделенность, соответствующие значениям лексемы *один*: ‘единый, нераздельный, составляющий единое целое’, ‘обособленный от других, оставшийся или существующий без других, в одиночестве’. Каждая из указанных доминант «разворачивается» в особое представление о единичности. В первом случае *один* мыслится как сложная целостность, аккумулирующая и гармонизирующая разнородные элементы на основании того или иного общего свойства (ср. *единение, единомыслие, единство*). Во втором случае *один* представляется либо как элемент, сходный с рядом подобных (ср. *одинаковый, на одно лицо*), либо как элемент, обладающий «внутренним подобием», т. е. неизменный во времени (ср. *однотонный, одноцветный, однокорый*). В третьем случае *один* осмысливается либо как элемент, изолированный от ряда сходных в силу каких-либо отличий (ср. *одинокий, одиночество, одиночка* и т. п.), либо как уникальный элемент, выделяющийся из ряда (но не изолированный от него) или же вообще не входящий ни в какой ряд (ср. *один Бог, одна правда; один на свете*).

Во **втором параграфе** представлен семантический спектр числительного *первый*.

Лексема *первый* отличается от прочих количественных обозначений тем, что идея *изначального*, а потому *качественно иного* (самого раннего, важнейшего, наилучшего и т. п.) заложена в ней на уровне категориальной лексической семантики, ср. значения, которые фиксируются в словарях литературного языка для лексемы *первый*: (1) ‘находящийся в начале,

перед прочими счетными объектами'; (2) 'находящийся в начале с временной точки зрения'; (3) 'играющий наиважнейшую роль в чем-л.'; (4) 'превосходящий других по каким-л. качествам'.

Основным смыслом, охватывающим все многообразие семантических вариаций лексемы *первый*, становится идея *начала*, которая трактуется как значимая, определяющая ход дальнейших событий, и – как следствие – получает особое ценностное наполнение как в языке, так и в народной культуре. Приведем некоторые линии семантического развития идеи начального для числительного *первый*:

начало + простота: литер. *первая медицинская помощь* 'простейшая медицинская помощь';

высокое качество: литер. *первый класс, разряд, сорт* и т. п. 'высшая степень качества товара' (ср. польск. *pierwszy gatunek* [первый сорт] 'то же'), диал. волж. *первая рука* 'первый сорт' (в данном случае *первая* = правая рука, которая, будучи более активной, чем левая, становится «знаком» высшего качества). Семантика качественного превосходства может специализироваться и распространяться на отдельные сферы жизни человека: свердл. *первухиний* 'самый усердный в работе', горьк. *первый брызг* 'здоровый, статный человек', перм. *первой бес* 'о живом, бойком, задорном человеке';

значимость и актуальность: литер. *первым делом, в первую голову* 'сначала, прежде всего', *предмет первой необходимости* 'предмет, необходимый в повседневной жизни', *первоочередной* 'выполняемый в первую очередь, неотложный' (ср. польск. литер. *pierwszorzedny* [«перворядный»] 'то же'), *на первом месте* 'о ком/чем-л. наиболее значимом', диал. онеж. *первое слово* 'о важном первоочередном сообщении; первая весть', калуж. *первое заведение* 'обычай, любимое занятие'.

Идея первого как выдающегося, нетипичного и важнейшего элемента числового ряда поддерживается и фактами народной культуры. Для славянской традиции характерно внимание к первым животным/людям, входящим в новое жилище, к первым дням больших праздников, первым явлениям, открывающим новый природный цикл, рождению первенца, первым событиям в жизни ребенка и т. д.

Показателен и тот факт, что в славянских языках первые события, явления часто получают терминологические обозначения: болг. *първич* 'первое угощение', укр. *первак* 'первенец; первый рой, улетевший из улья; первый настой; деготь первого выделения', рус. дон. *перветка, первячка* 'животное, первый раз давшее приплод', бел. *первосцінка* 'то же', болг. *първоскиня* 'то же; женщина, родившая в первый раз'.

Третий параграф посвящен числительному *два*.

Число 2 является центром и одновременно исходным пунктом, из которого развиваются представления о количестве. Наличие идеи единичности

еще не предполагает количественного мышления, поскольку число имеет структуру. 2 уже можно считать количественным образованием, поскольку $2 = 1 + 1$. Однако и 2 еще не является «полноценным» числом в силу явной выводимости из противопоставления «некто/нечто – другое».

Наиболее активно числительное *два*, равно как и рассмотренное выше числительное *один*, представлено в лексике соматической сферы, что вполне закономерно: наличие у человека как единичных, так и парных органов получает свое осмысление в языковых фактах. Организующее начало, задающее вторичную семантику «двойки» в данной сфере, – оппозиция «н о р м а – а н о м а л и я». Если та или иная часть тела является средоточием жизненных сил человека или связывается с его интеллектуальными способностями, то представление о ее дублировании/увеличении маркируется положительно, ср. мурм. *двужильник*, *двужильница* ‘выносливый, сильный человек; крепыш, здоровяк’. Если же речь идет о частях тела, являющихся выразителями душевной жизни человека, то их количественное увеличение мыслится как знак моральной нечистоплотности: литер. *двуязычный* ‘лицемерный, двойственный в словах и высказываниях’, *двуличный* ‘неискренний, лицемерный’, *двоедушие* ‘неискренность в словах и поступках; лицемерие, двуличие’ (ср. польск. *dwujęzyczny* [двуязычный], *dwuliczny*, *dwutwarzny* [двуличный] ‘то же’). Данная группа языковых единиц обширна и теснее всего связана со славянской культурной традицией.

Возможны случаи несовпадения языковых и культурных смыслов, соотносимых с соматическими аномалиями. Так, в языке с лексемой *двужильный* связывается идея здоровья и выносливости. В культурной же традиции акцентируется идея компенсаторности, в соответствии с которой двужильный человек или животное осмысляются как отнимающие жизненную силу у других.

В четвертом параграфе анализируется семантико-мотивационное поле числительного *второй*.

Рассматривая этимологию слова *второй*, исследователи сближают праслав. *vьtorъ либо с др.-инд. *vítaras* ‘ведущий далее’, *vítarām* ‘дальше’, авест. *vitara-* ‘дальше’, либо с лит. *aĩntaras*, лтш. *ùotrs* ‘второй, другой’, прус. *antars*, др.-инд. *ántaras* ‘другой’. Этимологические данные позволяют заключить, что в лексеме *второй* заложена идея положения предмета в ряду подобных (или в паре), которая затем преобразуется в идею сравнения данного предмета с другими находящимися в ряду (как правило, с первым).

В семантике и сочетаемости порядкового числительного *второй* и количественного *два* наблюдаются значительные расхождения.

Второй имеет закрепленную в литературном языке семантику (‘следующий по счету за первым’), которая, выходя за пределы ситуации счета, получает оценочное звучание. Приведем некоторые семантические доминанты числительного *второй*:

дополнительность: литер. (*вторая*) *половина, половинка* ‘о жене/муже, возлюбленной/возлюбленном’, диал. дон. *вторая рука* ‘самый близкий помощник, правая рука’;

второстепенность: диал. олон. *второе дело* ‘дело не из важных, неспешное дело’, арх. *вторительный* ‘дополнительный’, жарг. *вечный второй* ‘второй оператор, который, как правило, всегда остается в этой должности’; ср. польск. *drugoplanowy* [второплановый] ‘второстепенный, посредственный’, *drugorzędny* [«второрядный»] ‘второстепенный’;

неполноценность: пск. *вторая рука* ‘остаток чего-н.’, одесск. *второй сын* ‘о глупом, несообразительном человеке’.

В плане специфической семантики повтора в народной культуре особый интерес вызывает лексема *втора* – алт., арх., влг., вят., ленингр., новг., перм., том. ‘беда, напасть, неудача, несчастье’, влг., забайк., перм. ‘чудо, диковина’, б. м. ‘чушь, вздор’. Думается, что этот языковой факт органично вписывается в круг славянских представлений о негативности повторных действий, повторно происходящих событий, явлений и т. п.

В **пятом параграфе** представлен семантический спектр дробных числительных *половина* и *полтора*.

Числовые показатели 0,5 и 1,5 не вписываются в бытовое представление о «нормальных» числах (к которым относятся, прежде всего, числа натуральные), поэтому соответствующие им дробные числительные рус. *половина, полтора* изначально заключают в себе смысловой потенциал а н о м а л ь н о с т и.

Смысловое наполнение, характерное для лексики и фразеологии с компонентом *пол/полтора*, определяется формулой $1 \pm 0,5$, где 1 – это некая нормативная целостность, а 0,5 – тот количественный показатель, который прибавляется к норме или же отнимается от нее. Это приводит к развитию семантики недостаточности или избыточности: карел. *и в полу-глазе (сна) нет* ‘об отсутствии желания спать’, сиб. *половинкин сын* ‘ребенок, рожденный вне брака’, омск. *на полсохи* ‘мало, недостаточно’; ср. польск. *wyglądać jak półtora nieszczęścia* [выглядеть, как полтора несчастья] ‘выглядеть несчастным, нездоровым и т. п.’, *półuczucie* [«получувство»] ‘смутное чувство, неясное ощущение’.

Лексемы и идиомы с компонентом *пол-* могут указывать на аномалии, затрагивающие органы речи, слуха и мышления: литер. *слушать вполуха* ‘слушать невнимательно, отвлекаясь’, *говорить вполголоса* ‘тихо, не во весь голос’, диал. карел. *говорить с полротика* ‘то же’; ср. польск. *mówić półgębkiem* [говорить «полуртом»] ‘говорить осторожно, вполголоса’, ‘говорить неотчетливо, непонятно, отрывочно’, ‘говорить несмело’, *półgłówek* [«полуголовок»] ‘дурак, полоумный’ и др. В некоторых случаях (сарат., иркут., пенз. *полоручий* ‘о неловком человеке, ничего не умеющем делать’, костр. *полоручье* ‘человеке, у которого все валится из рук’) наблюдается аттракция лексических

элементов *полу-* и *поло-* ('полый, порожний') на основании общей семантики к а р и т и в н о с т и: как *половина*, так и *полый* способны транслировать представление о неполноценности и ущербности объекта.

В отдельную группу выделяются лексемы и фразеологизмы, описывающие интеллектуальные качества человека. В данном случае дробный числовой показатель становится маркером умственной неполноценности, ср. арх. *половинный дурак, половина дурака* 'о глупом человеке', яросл., костр., влг. *полубелый* 'глупый', арх. *с полупёхом* 'о человеке со странностями', *полдичь* 'придурь'; ср. польск. *pólhetkowy, głowa półhetkowa* [«полудалекий», «полудалекая» голова] 'о глупом человеке', *półwariat* [полусумасшедший] 'об умственно неполноценном человеке'.

Слово *половина* может выступать как э в ф е м и с т и ч е с к и й з а м е с т и т е л ь названия объекта: пск. *нечистая половина, нелёгкая половина* 'о человеке, вызывающем раздражение, гнев'. Такого рода идиоматические сочетания поддерживают представление о дуалистическом устройстве мира, при котором два объекта рассматриваются как различные (нередко противопоставленные друг другу) составляющие единого целого: олон. *другая половина* 'домовой (в суеверных представлениях)', пск. *войти в ту половину* 'умереть'.

Числительное *полтора* способно выражать две противоположные идеи – недостаток (литер. *полтора человека, полторы калеки* 'о ничтожном количестве людей', диал. соликам. *полторы-тарары* 'очень мало') и избыточность (горьк. *полтора Степана, полторы Матрены* 'о человеке высокого роста', *полторы Татьяны* 'о толстой неповоротливой женщине').

В третьей главе «**Принципы организации семантико-мотивационных полей числительных**» меняется угол зрения на объект исследования: рассматриваются не отдельные поля, а их совокупность (семантико-мотивационное макрополе), выявляются некоторые сквозные принципы организации макрополя.

В первом параграфе представлен анализ тематических сфер обозначений объектов счета. Выделение тематических групп производится исходя из внутренней формы лексемы или буквального значения фразеологизма. Так, например, лексема *двуужильный* относится к сфере «Соматика», а выражение *семь пятниц на неделе* – к сфере «Время». Цель данного параграфа – проследить, какие объекты выделяются носителями языка как актуальные для пересчитывания и в составе каких лексем и устойчивых сочетаний числовой компонент наделяется вторичной семантикой. В параграфе представлены наиболее активные номинативные модели с участием числительных, а также выявлены отношения лексической системности между единицами с различными числовыми компонентами. Речь идет об отношениях синони-

мии и антонимии, которые наблюдаются у лексических единиц, имеющих сходные (совпадающие или противопоставленные) значения, идентичную внутреннюю форму и вариативные числовые компоненты. К рассмотрению привлекаются также числительные, выходящие за пределы первого десятка (*двенадцать, сорок, сто*), которые сходны с числительными первого десятка в плане особенностей семантической деривации.

Наиболее широко и разнообразно числовые компоненты представлены в соединении с лексикой из тематических сфер «Соматика», «Родственные отношения», «Болезни» и «Религия и мифология».

Связь числительного с соматической лексикой обусловлена главным образом «очевидностью» корпоральной нормы, а также использованием пальцев рук и других частей тела в качестве инструментов счета. В этой тематической сфере частотны числительные *один, первый, два, второй, три, пять, семь*. Чаще всего соматическая лексика используется для номинации растений (*семижильник, семисуставница, семиколенная трава, пятипалечная трава* и т. п.), а также физических и социальных свойств человека (*двуличный, двуязычный, двоедушие, двурушник* и др.). Отмечается дублетность лексем с числовыми компонентами *два, три и семь* (костр. *двоезубый* и *троезубый* 'о человеке с неправильно растущими зубами', арх. *двужильный, трехжильный* и *семижильный* 'крепкий, сильный, выносливый', костр. *двоеволосый* и *троеволосый* 'о человеке с волосами разного цвета').

В смежной с соматикой сфере физических характеристик человека возможна синонимия лексем с числовыми компонентами *два, девять, сорок и сто* (петерб. *двусил*, литер. и диал. костр. *девясил/девятисил*, костр. *сорокасил* и *стосил* – эти слова могут обозначать разные виды растений, но все они объединяются признаком лекарственности). В сфере родственных отношений активно производящее слово *брат*, которое сочетается с числительными *семь* и *девять* (арх., влг. *семибрат* 'травянистое растение с соцветиями желтого цвета' и перм. арх., влг. *девятибрат* 'растение пижма обыкновенная').

В народной традиции весьма продуктивна модель «числительное + название болезни», номинирующая, как правило, лекарственные растения. В нашем материале лидирующим выступает числительное *сорок*, синонимичное *семи* в названиях лекарственных трав: яросл. *семиприточная* 'аистник цикутовый', алт. *сорокоприточная* 'кошачья лапка двудомная' и др.

В лексике тематической группы «Религия и мифология» основными числовыми компонентами выступают *три* и *семь* (литер. *тресвятой*, диал. одесск. *слово три беса*, перм. *с три лешего*, перм. *будь анафема на семи соборах*). Синонимии между ними не наблюдается.

В сочетании с названиями мер длины функционируют числительные *три* и *семь*, а также *два* (входящее в отношения номинативной синонимии с числительным *три*): литер. *от горшка два (три) вершка* 'о человеке ма-

ленького роста', *семи пядей во лбу* 'очень умный, мудрый, выдающийся', *за семь верст киселя хлебать* 'далеко и попусту идти, ехать, тащиться и т. п. куда-л.', жарг. *три метра сухостоя* 'о человеке высокого роста' и т. д. Как видим, с обозначениями горизонтальных мер длины чаще сочетается числительное *семь*.

В лексике тематических групп «Болезнь», «Смерть», «Погодные явления» отмечается активное функционирование числового компонента *девять*. Культурно обусловленная связь «девятки» с негативно маркированными явлениями человеческой жизни может проявляться как во внутренней форме (перм. *корень от девяти грыж* 'растение лапчатка прямая', арх. *девятая смерть дожидает* 'о чьей-л. необычной живучести'), так и в семантике лексем и фразеологизмов (костр. *девятерик* 'шершень, после укуса которого, согласно поверью, человек умирает через девять дней', влг. *девятíха* 'нарыв').

Анализ отношений лексической системности показывает, что синонимия (дублетность) представлена у лексических единиц с числовыми показателями, объединенными семантической доминантой обобщенного количества (*два = три, семь = девять = сорок*). Отношения антонимии наблюдаются у слов и фразеологизмов с компонентом *один* (*первый*), значения которых противопоставлены единицам с показателями *два* (*второй*) или *три* (*третий*).

Во **втором параграфе** третьей главы рассматривается наиболее разнообразная и сложно организованная зона семантического спектра числительных – зона **числовой аномалии**: описываются номинативные модели образования лексических единиц с «аномальным» числовым компонентом; устанавливаются связи между значениями этих лексических единиц и тематическими сферами обозначений объектов счета.

По результатам проведенного семантико-мотивационного анализа выделяются базовые модели образования лексем и идиом, в которых реализуется идея числовой аномалии. Представляется, что и в русском, и в польском языке основных моделей две.

1. Числовая аномалия образуется на базе формулы $N \pm 1$ или $0,5$, где N – нормальное количество. Внутри данной группы можно выделить две разновидности: а) количественная норма является эмпирически заданной и очевидной: литер. *слушать вполуха* 'слушать невнимательно', диал. перм. *смотреть в трое глаз* 'очень внимательно наблюдать', перм. *одной ногой* 'непрочно' и др.; б) нормальное количество задается произвольно (в том случае, если оно не может быть эмпирически заданным): новг. *половинный дурак, половина дурака* 'о глупом человеке', заонеж. *девятые люди* 'о глупых, недалеких людях', перм. *дó ста тóлько девянóсто* 'об умственно отсталом человеке' и др.

2. Числовая аномалия задается культурно отмеченным числом: литер. *семижильный* 'крепкий, сильный, выносливый', диал. новг. *девятого не хватает* 'об умственно неполноценном человеке'.

Четвертая глава «Числительное как культурно-языковой факт: Этнолингвистические этюды» представляет собой собрание этнолингвистических зарисовок. В данной части работы мы сосредоточились на отдельных случаях семантизации числительного, представляющих интерес с точки зрения их происхождения и функционирования в языке и культуре: литер. *двужильный* ‘крепкий, сильный, выносливый’, костр. *двоезубый* ‘о человеке, у которого один ряд зубов находит на другой’, костр. *двоеволосый* ‘о человеке с разноцветными волосами’, костр. *двоеглазый* ‘о человеке, у которого бегают глаза’ костр. *семерить* ‘о погоде: быть неустойчивой, переменчивой’, костр. *двенадцать напрасных смертей* ‘выражение, употребляемое в рассказе о чьей-л. преждевременной смерти’, влг. *считать сорок лысых* ‘название обрядового действия, направленного на улучшение погодных условий’, литер. *пятая колонна* ‘нарицательное наименование вражеской агентыры внутри страны или общественного движения, предназначенной путем подрывных действий изнутри способствовать победе враждебных внешних сил’.

Лексемы и устойчивые сочетания, представленные в четвертой главе, рассматриваются целостно, исследовательское внимание сфокусировано не только на числовом компоненте, но и на других составляющих лексемы или фразеологизма, поскольку в большинстве случаев мы имеем дело с «неразложимыми» культурными мотивами и прецедентами, получившими особое преломление в языковых фактах.

Приведем фрагмент одного из этюдов, представленных в реферируемой главе.

Двужильный. Основное значение лексемы *двужильный* в русском литературном языке – ‘крепкий, сильный, выносливый’. Это слово связано с традиционными представлениями славян о теле человека и животных. В лексике народной анатомии слово *жила* имеет не только общенародное значение ‘кровеносный сосуд, сухожилие’, но обозначает также орган, поддерживающий жизнь во всем организме. Необыкновенная выносливость и энергичность некоторых живых существ объясняется удвоением этого основного жизненного органа. Поэтому внутренняя форма слова *двужильный* кажется весьма прозрачной (*два + жила*).

Интересно, что в литературном языке слово *двужильный* наделяется исключительно положительными коннотациями, связанными со здоровьем, работоспособностью и долголетием. В русских говорах семантика *двужильного* более разнообразна. С одной стороны, диалектное значение этого слова пересекается с литературным, ср. карел. *двужильный* ‘сильный, выносливый’, пск., смол. *двужильник* ‘выносливый, сильный человек; крепыш, здоровяк’. С другой стороны, встречаются лексические факты, отражающие негативное отношение к *двужильным* существам, ср. арх. *двужильный* ‘о человеке или животном, имеющем, по поверью, не одну, а две «жилы» и обладающем особыми свойствами’: «Двужильный, он живучий, сильный, от других берёт силу».

Кажущаяся очевидной этимология слова *двужильный* («обладающий двумя жилами») ставится под сомнение А. Ф. Журавлевым в статье «Рус. *двужильный*»¹. По мнению автора, основой для данной номинации могло послужить представление о том, что сильное, выносливое существо живет как бы двумя *жизнями*, отбирая жизненную силу у окружающих его людей или животных. Предложенная гипотеза позволяет говорить о связи прилагательного *двужильный* не с *жила* ‘кровеносный сосуд’, а с глаголом *жить* (в форме *л*-ового причастия или же существительного *жило*, *жила* ‘век, срок жизни’).

Считая этимологические предположения А. Ф. Журавлева интересными и имеющими право на существование, представим все же некоторые аргументы в защиту «традиционной» трактовки внутренней формы слова *двужильный* (*два* + *жила*).

В Ленском районе Архангельской области сотрудниками Топонимической экспедиции Уральского государственного университета были записаны слова *двоелённый* и *дву(х)лённый*, при этом основное значение диал. *лён* – ‘шейное сухожилие’. Представления о *двоелённых* и *двужильных* существах во многом сходны, а в комментариях информантов эти слова выступают как синонимы: «Двухлённый – это значит сильный шибко, двужильный», «Двухлённые люди, они энергичные, крепкие, шея широкая», «Рождаются такие двоелённые – вот они и урочливыми являются», «Если двоелённый умрёт, он за собой ещё [покойников] уведёт».

Как видим, в случае со словом *двоелённый* речь идет не о жизненном пути вообще, а о конкретной части тела (шейное сухожилие), в которой, по народным представлениям, сконцентрирована жизненная сила человека или животного. В свою очередь, подобная словообразовательная модель («число + часть тела») восстанавливается и для слова *двужильный*.

Наряду со словами *двужильный* и *дву(х)лённый* встречаются также *трёхжилый* и *трёхлённый*, ср. один из контекстов, записанных в Ленском районе Архангельской области: «Трёхжилого-то, трёхлённого не сразу определишь. Чего-нибудь не ладится у мужика. Одну жену возьмёт – умрёт, другую – умрёт, третью – умрёт».

Еще одним аргументом в пользу связи слова *двужильный* с обозначением конкретного органа может служить весьма распространенный мотив *п е р е с ч и т ы в а н и я* *жил*, особенно характерный для заговорных текстов. Ср. некоторые фрагменты заговоров из сборника В. П. Аникина: «...из рук, из ног, из ясных очей, из черных бровей, из ретивого сердца, из черной печени, из тринадцать суставов, из единого сустава, из *тринадцать жил*, из *единой жилы*»; «С гоголя – вода, с камня – ручья, заячий снег *семи-*

---

¹ Журавлев А. Ф. Рус. *двужильный* // Этимология. 1985. М., 1988.

десяти жил, семидесяти суставов. Собирайся в одну жилу, в один сустав, скорбь и болезнь».

Думается, что приведенные языковые и культурные факты способны прояснить внутреннюю форму слова *двуужильный*: именно двойная/тройная жила становится причиной негативной «отмеченности» человека или животного, а в дальнейшем ведет к развитию представления о «заедании» чужой жизненной доли.

В **заключении** обобщаются результаты исследования и намечаются перспективы дальнейших разысканий в данной области.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. Числительное: механизмы порождения оценочных коннотаций (на материале русского и польского языков) / Е. В. Шабалина // *Славяноведение*. 2010. № 1. С. 74–82 (0,8 п. л.).

2. *Двуужильный* / Е. В. Шабалина // *Русская речь*. 2009. № 6. С. 106–109 (0,25 п. л.).

3. Числительные в русской политической фразеологии: *пятая колонна и пятая графа* / Е. В. Шабалина // *Политическая лингвистика*. 2011. № 1. С. 189–192 (0,3 п. л.).

Другие публикации:

4. Народное слово и миф / М. Ф. Евчик, К. В. Пьянкова, Е. В. Шабалина // *Живая старина*. 2005. № 3. С. 4–7 (0,25 п. л.).

5. Об одной модели в русской метеорологической магии: *сорок плешивых* / Е. В. Шабалина // *Живая старина*. 2006. № 4. С. 6–8 (0,6 п. л.).

6. Семантическое развитие лексики со значением счета в русском языке (на материале деривационного гнезда **čit-*) / Е. В. Шабалина // *Ономастика и диалектная лексика*. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2007. Вып. 6. С. 24–36 (0,8 п. л.).

7. К вопросу об аксиологических коннотациях русских числительных / Е. В. Шабалина // *Слово в традиционной и современной культуре : тез. межвуз. конф. молодых ученых*. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2007. С. 40–43 (0,15 п. л.).

8. Качественные коннотации русских и польских числительных / Е. В. Шабалина // *Актуальные проблемы полонистики*. Минск : Право и экономика, 2008. С. 295–302 (0,4 п. л.).

9. Семантическое развитие лексики со значением счета в русском и польском языках / Е. В. Шабалина // *Международный научный симпозиум «Сла-*

вянские языки и культуры в современном мире» : тр. и матер. М. : Макс пресс, 2009. С. 248–249 (0,16 п. л.).

10. *Половина и полтора* в русской и польской языковой картине мира / Е. В. Шабалина // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2009. С. 282–284 (0,16 п. л.).

11. Качественные коннотации числительного *три* в русском и польском языках / Е. В. Шабалина // Слово в традиционной и современной культуре : тез. межвуз. конф. молодых ученых. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2010. С. 84–86 (0,15 п. л.).

12. Двоезубые, двоеглазые, двухильные... / Е. В. Шабалина // Живая старина. 2010. № 3. С. 46–48 (0,27 п. л.).

13. Коннотативный спектр числительного *семь* в русском языке / Е. В. Шабалина // Русская речь в современных парадигмах лингвистики. Псков : ПГПУ, 2010. С. 182–187 (0,3 п. л.).

Подписано в печать 24.05.2011. Формат 60 × 84¹/₁₆.

Усл. печ. л. 1,5. Тираж 100 экз. Заказ №

Отпечатано в типографии

ИПЦ «Издательство Уральского университета»

620000, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4